

композитор Геннадий ГЛАДКОВ

БЕЛЕЕТ МОЙ ПАРУС

Встречные не провожают его взглядами, в которых узнавание и любопытство. Не затрудняют его просьбами об автографах. И все же его знают в каждом доме и взрослые, и дети, а дети — особенно. Если мы слышим: «Белеет мой парус такой одинокий на фоне стальных кораблей» или «Ох, рано встает охрана», или «А бабочка крылышками бяк, бяк, бяк». «И даже тоненькую нить не в состоянии разорвать стальной клинок» — это все он, композитор Геннадий Гладков.

Мое знакомство с Геннадием Игоревичем началось с... сонаты для альты и фортепьяно, которую исполнял в его квартире ученик Андрей Семенов. Таким образом, я сразу же погрузилась в атмосферу «звучащего» дома, где огромный черный рояль стеснил довольно скромную мебель к стенке, предоставляя ему центр комнаты. Это — царь и бог, домашний тиран.

— Я давно не преподаю. Но ученики у меня все же есть. Однажды, лет 6—7 назад, я получил письмо из Владимира. Судя по почерку, писал маленький мальчик. Затем вместе с письмами я стал получать и его музыкальные произведения. Теперь Андрей Семенов учится в Московском музыкальном училище при консерватории.

— Геннадий Игоревич, многие родители стараются с малолетства приучать детей к музыкальной культуре. Но часто слишком сажая за рояль и заставляют играть, считая, что потом ребенок скажет им спасибо. А вас не заставляли?

— В нашем доме всегда звучала музыка. Отец, профессиональный пианист, лауреат I Всероссийского конкурса баянистов, с детства играл на гармошках. Мой дед, со стороны матери, аккомпанировал пение Лидии Руслановой на редком в наше время музыкальном инструменте — саратовских гармошках. Дома отец обычно играл классику, изредка, репетируя программу более демократического склада. Я очень любил и люблю до сих пор трогательные песни военных лет и джаз. Как говорили «очевидцы», я был нервным и плаксивым ребенком, а джаз действовал на меня успокаивающе.

Уже в пять лет я сел за барабаны, мой дед сам их мастерил, потом начал заниматься игрой на фортепьяно, сочинительством. Как только освоил нотную грамоту, стал записывать.

И никто меня не заставлял, не сажал насильно за инструмент, просто в доме любили и ценили музыку, а это самая действенная форма музыкального воспитания. Еще одно «семейное» увлечение, оставшееся с детства — испанские мотивы. — их темперамент был так привлекателен для мальчишек. Мы писали серенады, придумывали спектакли с «испанщиной». Мы — это я и мои школьные друзья: Василий Ливанов и Дмитрий Урнов. Может быть, поэтому в дальнейшем я так много писал на испанские сюжеты, хотя в Испании никогда не был: «Дульсинея Тобосская», «Дон Жуан», «Благочестивая Марта», «Собака на сене», «Дон Сезар де Базан».

— А ваш сын тоже увлечен музыкой?

— Пока он не занимается музыкой профессионально. Может быть, в дальнейшем что-нибудь изменится, а пока он играет на гитаре, на барабанах (видимо, любовь к ударным инструментам у нас врожденная). Учится в медицинском институте, рисует в современной манере: карикатуры и картины странного дизайна. Какая-то творческая жизнь у него происходит, но его выбор я не подталкиваю. Мне кажется, что мое основное воспитание заключается в том, что я должен много и серьезно работать, чтобы на моем примере можно было учиться.

Обычно я всегда начинаю работу с некоторой паники: каждый раз возникает ощущение, что удавшийся фильм, спектакль-балет или опера — это мой последний успех.

Из-за загруженности работой я по-

чти не уделяю внимания дому. Но семья с годами привыкла к тому, чтобы создавать мне максимальные условия для творчества. Моя жена, тоже музыкант по образованию, взяла на себя все хозяйственные заботы. Но такой добровольный отказ от собственной карьеры ее несколько не угнетает — ведь взамен она получила семейное счастье и спокойствие. Она — истинная душа дома — женственная, добрая, внимательная. Наверное, и ее заслуга есть в том, что я больше известен как «веселый композитор» «веселых песен».

— Сейчас жалуются, что общество захлебнулось волна апатии. Старые идеалы остались в прошлом, а новых мы еще не приобрели. Какое же оно, наше «сегодня», глазами композитора?

— Я не могу сказать, что сильно пострадал в годы застоя. Хотя «Дом, который построил Свифт» был запрещен, так же, как и фильм «Пока безумствует мечта». Конечно, приходилось бороться с чиновниками, но мы старались высказывать свои мысли в неожиданной форме, например, в мультфильмах: ведь их всерьез проveyряющие не воспринимали. К примеру, в «Бременских музыкантах», помните? «Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы», и артистическое кредо, и даже «плюрализм» мнений: «Нам любые дороги дороги».

Мы пробивались. А сейчас вроде бы и не надо пробиваться, а кино тоскует, в театре тоже что-то потеряно. У нас время страшного разгула массовой культуры — некоторого заменителя истинных ценностей, которая сродни стеклянным бусам: дешева, легко воспринимается, но в ней нет настоящего искусства.

Тот рок, который мы сейчас слышим, — остатки прежней роскоши. Музыка бушующих и потерявших корни людей. Во второй серии — «По следам бременских музыкантов» — мы спародировали такую рок-музыку: «Весь мир у нас в руках, мы звезды континента». Это было еще в 1974 году, и вот через 15 лет мы видим эту пародию в виде уже серьезной подачи. Дым, шум, разнузданные девочки и мальчики неизвестного пола. А если талант, то он сразу и виден. Мне очень нравится Шевчук, группа ДДТ, Мамонов, несмотря на то, что он действует на меня своей ворожкой немножко страшновато. В основном же много безликого штампа.

— А над чем вы сейчас работаете?

— Готовится к съемкам фильм по Фазилу Искандеру «Расстанемся, пока хорошие». Дальше начинается работа над балетом «Золотой горшок» по сказке Гофмана; уже есть договоренность с Челябинским театром оперы и балета. Кроме этого, Василий Ливанов попросил написать музыку по шведской сказке «Иохим лис — детектив с дипломом» для театра «Детектив», где он художественный руководитель.

— Последний, «домашний» вопрос. Геннадий Игоревич, что означает для вас понятие «любовь»?

— Для меня это не только «домашний» вопрос. Для меня это слово основное, которое делает человека человеком. Она должна заключаться не только в любви к ближнему, к детям, но и к природе, к высшей истине, которая в нас присутствует.

Любовь, музыка, поэзия всегда идут рука об руку. Я русский человек, очень корневой, весь «пропитанный» любовью к России. Быть причастным к ее культуре, истории для меня — истинное счастье.

Наша беседа с композитором подошла к концу, и я ушла с его автографом: «От автора «бульварной» музыки с дружеским расположением!», — написал Геннадий Игоревич на пластинке, потому что это была музыка к кинофильму «Человек с бульвара Капуцинов».

Беседу вела
С. ПЕТРОВА.